

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ЗОМИЯ: УСПЕШНЫЕ СТРАТЕГИИ БЕГСТВА ОТ ГОСУДАРСТВА* (1)

Дж. Скотт

Факультет/Программа аграрных исследований
Йельский университет
208209, Нью-Хейвен, Коннектикут 06520—8209, США

Данная публикация представляет собой сокращенный перевод (2) первой главы книги Джеймса Скотта «The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia» — «Искусство неуправляемой жизни: анархистская история высокогорий Юго-Восточной Азии» (New Haven and London: Yale University Press, 2009), вышедшей в серии «Yale Agrarian Studies». Она продолжает линию рассуждений, начатую Скоттом в работе «Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни»: центральная задача государства — контроль территорий и граждан, поэтому мобильные, самоуправляемые сообщества претят идее государственного строительства. Скотт предлагает иначе взглянуть на привычную нам историю человечества (фокусирующуюся исключительно на государственных институтах во всевозможных форматах), взяв в качестве примера Юго-Восточную Азию и проводя массу исторических и страновых аналогий.

Ключевые слова: Зомия, бегство от государства, цивилизация, варварство, оседлый образ жизни, самоуправляющиеся сообщества.

На всем протяжении человеческой истории начиная с аграрных «цивилизаций» противостояние государственной экспансии и самоуправляемых сообществ мало заботило ученых. Но если мы немного отклонимся от общепринятых моделей и используем более оптически сильные, чем пара «государство-цивилизация», исторические линзы, то удивимся, насколько оно повсеместно и как стремительно развивалось. Homo Sapiens появился примерно 200 тысяч лет назад и около 50 тысяч лет назад заселил Юго-Восточную Азию, где первые поселения возникли в первом тысячелетии до нашей эры как небольшое затемнение на историческом ландшафте — локальное и почти незаметное. Незадолго до нашей эры, которая охватывает не более одного процента человеческой истории, здешний социальный пейзаж состоял из очень небольших автономных родов, которые изредка

* Перевод с английского кандидата социологических наук доцента И.В. Троцук.

объединялись для совместной охоты, праздников, сражений, торговли и мирных переговоров. Ничего похожего на государство здесь не существовало, и жизнь без него считалась нормальным состоянием человека.

Только современное государство в своих колониальных и суверенных воплощениях обрело ресурсы для реализации того проекта управления, который прежде лишь в мечтах являлся его доколониальным предшественникам, — подчинение безгосударственных территорий и народов. По сути, это последнее великое огораживание в Юго-Восточной Азии, которое последовательно — пусть и очень грубо, неуклюже и с постоянными откатами назад — проводилось на протяжении двадцатого столетия. Все правительства — колониальные и независимые, коммунистические и неолиберальные, популистские и авторитарные — стремились к его завершению. Навязчивая идея огораживания приводила к разным, но всегда негативным результатам, видимо, потому, что любые проекты административной, экономической и культурной стандартизации по определению не вписываются в модель современного государства. По логике государства подобное огораживание — попытка интеграции людей, территорий и ресурсов периферийных районов для повышения их рентабельности, т.е. превращения в подотчетные источники валового национального продукта и экспортной торговли. Но жители периферий всегда были экономически связаны с центральными территориями и мировой торговлей: часто именно они производили наиболее ценные для нее товары. Тем не менее, попытки инкорпорировать их в экономику центра гордо именовались развитием, прогрессом, искоренением неграмотности и социальной интеграцией, хотя на деле целью государства было не повышение производительности периферий, а гарантии, что экономическая деятельность здесь законодательно отрегулирована, обложена налогами, статистически учтена и предполагает процедуру конфискации; если она этим критериям соответствовать не могла, то замещалась удобными государству экономическими формами. Везде, где возможно, государство принуждало кочевых, подсечно-огневых земледельцев к оседлому образу жизни в деревнях; пыталось заменить общую собственность на землю иными институциональными формами, чаще — частной собственностью; национализировало леса и залежи полезных ископаемых; вытесняло монокультурными аграрными производствами прежние поликультурные натуральные хозяйства.

Оригинальность и революционный характер этого грандиозного огораживания станут очевидны, если мы расширим его временные рамки. Исторически первые государства Китая и Египта, Индия в конце правления Шандра Гупты, Древняя Греция и Рим с демографической точки зрения были очень скромны: они занимали крохотную часть мирового ландшафта, укладываясь в пределы статистической погрешности при оценке общей численности населения Земли. Роль Юго-Восточной Азии, где первые государства возникли только в середине нашего тысячелетия, в истории ничтожна и явно переоценена в учебниках. Маленькие городишки, обнесенные стенами и рвами с водой, окруженные несколькими деревеньками, эти крошечные оплоты социальной иерархии и политической власти были крайне нестабильны и географически изолированы. Для человека, не испы-

тывающего восторга перед руинами и историческими вехами государственного строительства, это пространство выглядит как сплошная периферия без каких-либо центров — большая часть населения и территорий прекрасно существовали без них. Эти крохотные государственные образования обладали единственным стратегическим и военным преимуществом — концентрировали человеческие и пищевые ресурсы (по банальной причине ирригационного выращивания риса). Как новая политическая форма они объединяли ранее живших вне государственных институций людей: одних привлекали возможности торговли, обогащения и социально-статусного роста при дворах правителей; другие, и таких было большинство, были пленниками и рабами, захваченными в битвах или купленными на невольничьих рынках. «Варварская» периферия питала государства в двух отношениях: во-первых, она поставляла сотни товаров, необходимых для процветания этих игрушечных городов; во-вторых, здесь шла бойкая торговля пленниками — основной рабочей силой государства в то время. Мы точно знаем, что большая часть жителей Древнего Египта, Греции, Рима, первых государств кхмеров, тайцев, бирманцев были рабами, пленниками и их потомками.

Огромное неконтролируемое пространство вокруг микроскопических государств представляло для них постоянную угрозу. Здесь жили кочевые народы, которые занимались то собирательством, то животноводством, то охотой, то подсечно-огневым земледелием, то рыболовством и отрицали государственный контроль. Изменчивость их жизненных практик означала, что аграрное государство, базирующееся на оседлом образе жизни, с финансовой точки зрения на эти не подчиняющиеся ему территории рассчитывать не могло. Пока их жители сами не изъявляли желания торговать, их товары были никому недоступны, в том числе потому, что первые государства практически всегда возникали в долинах, а многочисленные безгосударственные группы жили в географически труднодоступных районах — гористых, болотистых, засушливых или пустынных. Даже если их товары признавались высококачественными, рассеяние кочевых народов и трудность транспортировки сводили на нет экономическую выгоду: центр и периферия по своему расположению должны были стать торговыми партнерами, но вести торговлю было невозможно, поэтому она обрела форму редких добровольных обменов. Для государственной элиты периферия, воспринимаемая как полчища «варварских племен», также представляла угрозу. Редко, но очень запоминающиеся (вспомним монголов, гуннов, османов) вооруженные кочевники сметали государства и правителей. Безгосударственные племена часто нападали на поселения земледельцев, иногда облагая их данью по примеру государства, которому оседлый образ жизни был нужен для «облегчения сбора податей». Но основной и постоянной причиной угрозы со стороны неуправляемой периферии было искушение возможностью иной, чем в государстве, жизни. Основатели первых государств отнимали у земледельцев пахотные земли, предлагая им либо стать гражданами, либо убраться. Выбравшие второй вариант стали первыми политическими беженцами, примкнув к группам, оставшимся вне сферы влияния государства. Когда бы оно ни расширяло свои границы, жители прежде периферийных районов оказывались перед той же дилеммой.

Когда государство проникает повсюду и кажется неизбежным, легко забыть, что на протяжении большей части человеческой истории жизнь внутри государства, за его пределами или же в некоторой буферной зоне была предметом выбора, который можно было изменить. Процветающие мирные государства привлекали все больше людей, находящих в них массу преимуществ, — таков доминирующий цивилизационный нарратив, в соответствии с которым дикие варвары, зачарованные величием справедливых царств, становились их гражданами. Но этот нарратив упускает из вида два важных факта: во-первых, множество, если не большинство, жителей первых государств были не свободны, а закабалены; во-вторых, граждане имели привычку сбегать из городов. Жизнь в городе означала налоги, воинскую повинность, барщину, а зачастую и сервитут — это основа государства и его военной мощи. Когда груз этих обязательств оказывался чрезмерным, люди сбегали на периферию или в другое государство. Часто случались голодные годы и эпидемии; первые государства были военными машинами, проливающими реки крови своих граждан, которые потому и стремились избежать воинской повинности, военных набегов и разорений. Вот почему государства выдавливали населения не меньше, чем поглощали, а в случае войн, засух, эпидемий или мятежей — просто изрыгали его. Государство — не что-то раз и навсегда созданное: археологические находки на месте прежних столиц, которые быстро расцвели и в мгновение ока были сметены с лица земли войнами, эпидемиями, голодом или стихийными бедствиями, говорят о длительных периодах создания и распада государств, а не об их вневременной устойчивости. Люди жили то в государствах, то без них, причем «безгосударственность» была цикличной и обратимой [8. Р. 63—70].

Чередование периодов строительства и разрушения государств привело к формированию периферии, которая состояла в основном из кочевников. Эта «осколочная территория», где волей-неволей объединились осколки государственного строительства и политического соперничества, постепенно превратилась в зону смешения этносов и языков. Расширение и развал государств пополняли ее беженцами, которые искали здесь безопасный приют и новую жизнь. Большая часть горных массивов Юго-Восточной Азии — именно такая «осколочная зона». Подобные зоны возникали везде, где экспансия государств, империй, работорговли, войн наряду с природными катаклизмами вынуждали людей искать убежища в труднодоступных районах: на Амазонке, в высокогорьях Латинской Америки и Африки, на Балканах и Кавказе. Отличительные черты всех «осколочных зон» — географическая труднодоступность и многообразие языков и культур.

Такая трактовка периферии резко контрастирует с официальными версиями цивилизационного развития, в соответствии с которыми отсталые и наивные варварские племена постепенно входили в состав развитых, более совершенных в культурном отношении, процветающих государств. В действительности же многие «варвары» предпочитали от государства дистанцироваться — это обстоятельство вносит в прежнюю благостную историческую картину новый компонент политического действия. Большинство жителей периферии сознательно здесь посе-

лились, а потому их нельзя считать реликтами канувших в лету социальных формаций. Повседневное существование, социальная организация, территориальное расселение и многие элементы культуры периферий далеки от архаических и целенаправленно спроектированы, чтобы предотвращать поглощение близлежащими государствами и формирование аналогичных им структур власти. «Избегание» и «предотвращение» пронизывают все жизненные практики и идеологию периферии, являясь «эффектом государства», поэтому жители периферии — «сознательные варвары»: они ведут взаимовыгодную торговлю с городами, старательно избегая их политического влияния.

Если мы признаем, что «варварство» — не остаточное явление, а сознательный выбор места и образа жизни, социальной структуры для сохранения независимости, то общепринятая версия эволюции человеческой цивилизации разбивается вдребезги. Ее временная периодизация — от собирательства к подсечно-огневому земледелию (или скотоводству), далее к оседлому и ирригационному земледелию; параллельно — от кочевничества к небольшим расчищенным в лесах пашням, затем к деревушкам, селам, городам и столичным центрам — подкрепляет чувство превосходства равнинных государств. Но что, если каждая из этих гипотетических «стадий» на самом деле — особый тип противостояния государству? И народы сознательно выбирают «примитивные» формы социальности, чтобы держать государство от себя на почтительном расстоянии? Тогда цивилизационный дискурс равнинных государств и многих историков — не что иное, как самонадеянное увязывание государственности с цивилизованностью и безосновательное объявление безгосударственных народностей примитивными. Почти все характеристики, с помощью которых стигматизируется население периферий — территориальная мобильность, подсечно-огневое земледелие, подвижная социальная структура, неортодоксальность, эгалитаризм и даже отсутствие письменности, — не говорят об их примитивности и цивилизационной отсталости. В длительной исторической перспективе это способы избегания «захвата» государством или же его формирования, т.е. политический выбор безгосударственных людей в мире государств, которые одновременно и очаровывают, и пугают.

Жителей периферии было сложно втянуть в четко регламентированные денежные отношения наемного труда и оседлого земледелия. В этом смысле «цивилизация» их не привлекала: они могли пользоваться всеми преимуществами торговли без рутины, субординации и ограничений, налагаемых на граждан. Масштабы сопротивления государству обусловили золотой век рабства на побережьях Атлантического и Индийского океанов в Юго-Восточной Азии [13]: местное население массово сгонялось с территорий, где его труд объявлялся незаконным или бесполезным, и перевозилось в колонии и на плантации, чтобы возделывать наиболее доходные для землевладельцев и государственной казны культуры (чай, хлопок, сахар, кофе и др.) [5]. Первым шагом в процессе огораживания стало закабаление — насильственный захват и вывоз населения с безгосударственных территорий, где люди в большинстве своем вели независимую (и счастливую!) жизнь, туда, где государству был нужен их труд. Заключительные этапы огоражи-

вания, пришедшиеся в Европе на XIX в., а в Юго-Восточной Азии — на конец XX в., знаменуют настолько радикальное изменение отношений государств со своими перифериями, что фактически *выпадают* из нашей схемы. В этот период «огораживание» — это не перемещение безгосударственных людей на подконтрольные территории, а колонизация периферии — превращение ее в управляемую, экономически доходную зону. Внутренняя, зачастую не осознаваемая, логика огораживания — окончательное избавление от безгосударственных пространств. Этот поистине имперский проект стал возможен только благодаря современным технологиям, сокращающим расстояния (всепогодные дороги, мосты, железнодорожное и авиасообщение, современное оружие, телеграф, телефон, информационные технологии и пр.), говорить о которых в Юго-Восточной Азии даже после 1950 г. бессмысленно...

Национальное государство как, по сути, единственно возможный вариант суверенитета в двадцатом столетии воспринимается крайне враждебно безгосударственными народами. В этой модели государственная власть — монополия на применение насилия, которая простирается на всю территорию страны; за ее границами аналогичным правом обладает соседнее суверенное государство. Сегодня в принципе исчезли большие, никем не контролируемые или раздираемые противоречиями нескольких слабых держав территории и народы, не относимые ни к чьей юрисдикции. Национальные государства стремились к этому, затрачивая все имеющиеся ресурсы: создавая военизированные пограничные посты, перемещая лояльное население ближе к границам и замещая им «нелояльное», развивая на приграничных территориях оседлое земледелие и транспортное сообщение, ведя миграционный учет. Они осознали, что прежде игнорировавшиеся и считавшиеся бесполезными земли, куда вытеснялись безгосударственные народы, необходимы развитой капиталистической экономике, поскольку богаты природными ресурсами — нефтью, железной рудой, медью, свинцом, ураном, углем, бокситами, сырьем для аэрокосмической и электронно-технической индустрий, гидроэлектростанций, биоресурсами и заповедными зонами. Районы, ранее привлекавшие лишь золотоискателей и работоторговцев, переживают новый виток поистине золотой лихорадки благодаря навязчивому желанию государств жестко контролировать свою территорию вплоть до самых отдаленных границ и всех ее жителей.

Этот контроль невозможен без соответствующей культурной политики. В основном периферия вдоль государственных границ материковой Юго-Восточной Азии населена людьми, по своим языковым и культурным практикам резко отличающимися от жителей центральных регионов, что, по мнению государств, порождает хаос множественных идентичностей, очаги политического протеста и сепаратизма. Слабые государства разрешали, вернее, терпели определенный уровень автономии, если у них не было иного выбора. Если же они обладали достаточными ресурсами, то пытались контролировать периферию, стимулируя или требуя ее лингвистического, культурного и религиозного выравнивания с основным населением страны, например, в Таиланде народность лаху вынуждали говорить на тайском, получать образование, принимать буддизм и быть лояльной монархии. Па-

параллельно проводилась политика демографического поглощения: в ситуации недостатка земли люди с равнин перемещались в горы, где воссоздавали привычные для себя формы поселений и земледелия и со временем начинали демографически доминировать над рассеянными и малочисленными местными жителями [9. Р. 96—97]... Целью внутренней колонизации было последовательное и широко-масштабное искоренение местного многообразия языков, народностей, практик хозяйствования, форм земельной собственности, видов охоты, собирательства и лесничества, религиозных верований и т.д. Принудительное сближение периферии с центром государство считало прогрессом и развитием цивилизации через распространение лингвистических, хозяйственных и религиозных практик доминирующей этнической группы (ханьцев, кинхов, бирманцев, тайцев) (3).

Постоянные перемещения между равнинами и горами, их причины, особенности и последствия — вот предмет моего рассмотрения. Ведь многие жители городов — это «экс-горные» обитатели, а жители гор — «экс-равнинные»: смена местожительства не исключала возможности возврата. В одних обстоятельствах народы дистанцировались от государства, в других — желали (или насильственно принуждались) стать его гражданами, чтобы через несколько столетий вновь выскользнуть из лап государства по причине его развала или собственного бегства. Подобные территориально-статусные трансформации неизбежно влияли на этническую идентификацию (я сторонник радикального конструктивизма) «горных племен» Юго-Восточной Азии. По сути, это беженцы, которые заселили горные пространства за последние полторы тысячи лет, покинув Бирму, Таиланд, Сиам, Ханьскую империю в период экспансионистской политики династий Тьянг, Юань, Минь и Цинь. Здесь они также могли менять местожительство, будучи вытеснены другими, более сильными группами или новым витком государственной экспансии, поэтому их нынешние экономические и культурные практики, место и тип поселения — не что иное, как «эффект государства». Такая версия истории противоречит общепринятой, в соответствии с которой население гор — это потомки первобытных людей, оставленных здесь теми, кто спустился с гор и создал цивилизацию... Общепринятая трактовка горных «племен», как и современный фольклор, видит в них реликты прежних стадий человеческой истории... «Именно так и никак иначе» версия истории считает равнинную культуру более поздней, развитой, цивилизованной, оставившей все дурное позади, в племенном строе, что страшно искажает факты: равнинные и горные сообщества складывались одновременно и взаимосвязанно, буквально следуя по пятам друг за другом. Жители гор всегда контактировали с городами напрямую или через прибрежные торговые пути; жители городов всегда взаимодействовали с безгосударственной периферией: Делёз и Гваттари называли эти контакты «локальными механизмами банд, маргиналов и меньшинств по защите прав разрозненных сообществ в противовес органам государственной власти», благодаря чему «непостижимым образом они оставались полностью свободными от государства» [3. Р. 360].

Ровно те же отношения складывались у государств с кочевниками. Пьер Кластр убедительно показал, что якобы «примитивные» индейцы Южной Аме-

рики — это не древние племена, которые не сумели изобрести оседлое земледелие и государство, а бывшие крестьяне, *отказавшиеся* от оседлого образа жизни после завоевания Америки (свою роль сыграли и демографический коллапс в результате новых пандемий, и принудительный труд в колониях) [12]. Миграции и жизненные практики помогали им держать государство на расстоянии. В степях Центральной Азии древнейшие на планете кочевые племена тоже прежде занимались оседлым земледелием, но отказались от него по политическим и демографическим причинам. Оуэн Латтимор утверждает, что кочевое скотоводство возникло *после* оседлого земледелия, когда крестьяне «отделились от сельских сообществ» [7. Р. 472]. Государства и кочевые народы (эти якобы неудачники социальной эволюции) возникли одновременно — как близнецы, связанные тесными неустрашимыми узами, пусть и жестокой вражды.

...По Геллнеру, политическая независимость — всегда выбор, не данность. В отношении групп, сознательно покинувших города или оставшихся «вне государства», он применяет выражение «маргинальный трайбализм», чтобы подчеркнуть их политическую неопределенность: «многие племена знают о возможности... стать частью централизованного государства... но обдуманно от нее отказываются или яростно ей сопротивляются. Таковы племена в горах Атласа: еще до эпохи современного государства они сознательно стали диссидентами... „Маргинальный“ трайбализм... это тип племенного строя, который сложился на границах государств, потому что кто-то не приемлет подчинения и стремится избежать централизованной власти, в чем ему помогают горы и пустыни. Такой трайбализм политически маргинален и понимает, от чего именно отказывается» [4. Р. 1—2]. В Магрибе, как и в Зомии, водораздел между зонами, подконтрольными государству, и маргинальными, автономными имеет географический, экологический и политический характер: «узкие ущелья и горы — вот конец государственного контроля (*bled el-makhazen*) и начало диссидентства (*bled es-siba*)» [4. Р. 31].

Пример берберов показателен по двум причинам. Во-первых, Геллнер продемонстрировал, что демаркационная линия между арабским и берберским населением — не цивилизационная или религиозная, а политическая, отделяющая граждан от неподконтрольных государству племен; и история знает переходы через этот рубеж. Возникает вопрос: насколько политический статус этнически предопределен, т.е. зависит от фундаментальных человеческих различий, а не сознательного выбора? Ответ таков: те, кто по каким-либо причинам стремились избежать «огосударствления», себя «трайбализировали» — *этничность и родовой строй возникали, когда заканчивались суверенитет и налогообложение*. Периферия запугивалась и стигматизировалась официальной риторикой именно потому, что находилась вне зоны влияния государства и представляла собой пример успешного ему противостояния, весьма притягательный для потенциальных политических беженцев. Во-вторых, анализ Геллнера примечателен как долгожданный иной взгляд, корректирующий официальную государственную версию — «взгляд с равнин» на «варварскую периферию» как осколок прошлого, который рано или поздно поглотит свет арабской цивилизации. В Юго-Восточной Азии и Магрибе

он популярен, поскольку в прошлом столетии неуправляемая периферия была постепенно замещена национальными государствами.

Но все равно идея, что просвещенный центр, как магнит, притягивал и объединял периферийных людей, ошибочна: жизнь вне государства была проще и привлекательнее; исторические факты говорят об эволюционных колебаниях политического состояния, а не о линейном развитии. Конечно, избегание государства — не истина в последней инстанции, но факт, повсеместно не получающий должного освещения в цивилизационном нарративе, несмотря на свою историческую важность... Смысловая идентичность понятий «быть цивилизованным» и «быть гражданином» не ставится под сомнение, из чего следует антонимичность «гражданства» и «самоуправляемости». Классические государства Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока были окружены безгосударственными самоуправляемыми племенами, живущими в горных районах, на болотах, топях, в мангровых зарослях, лабиринтах и дельтах рек. Эта маргинальная территория была важным торговым партнером городов, убежищем от государственных институций, зоной относительного равенства и интенсивной территориальной мобильности, поставщиком рабов и граждан для близлежащих государств и источником экокультурной идентичности, зеркально отражавшей идентичность граждан окружающих государств.

Итак, хотя мое внимание приковано к высокогорьям Зомии, я говорю в целом о взаимоотношениях без государственных и государственных пространств. Зомия — это сложно устроенный горный приют для беглецов от равнинных проектов государственного строительства: ее жители пришли на эти земли и остались тут, желая оказаться вне пределов досягаемости государства. Понятие «Юго-Восточная Азия» как обозначение группы государств в заданных географических границах здесь не работает. За два тысячелетия Зомию населили бесчисленные мигранты из пограничных с ней стран, многие из которых прежде были оседлыми земледельцами. Они бежали на запад и юг из Ханьской империи и Тибета (тайцы, народности яо (мьен), хмонг (мяо), лаху, аха (хани)), на север — из Таиланда и Бирмы по политическим, культурным и военным причинам. В Зомии жили не некие рассеянные племена — этническая дифференциация и идентичность горных народов варьировали во времени, но всегда отражали их отношение к государственной власти. Рискну предположить, что здесь никогда не было «племен» в полном смысле этого слова: жизненные и хозяйственные практики горных народов следует рассматривать как протест против любых попыток их государственного поглощения (социальная структура и паттерны проживания — тоже политический выбор «против» государства; эгалитаризм — аналог берберского принципа «разделяйся, чтобы не подчиняться» [14. Р. 66]). И это не социологические или культурологические абстрактные схемы: реальные правила наследования, генеалогические ветви, модели лидерства, структура домохозяйств и даже уровень грамотности проектировались на периферии целенаправленно, чтобы предотвратить ее поглощение государством.

Адекватное понимание населением Юго-Восточной Азии собственной истории блокирует ее «государственная» версия, которая вполне оправдана в отноше-

нии последних пятидесяти лет, но грубо искажает суть более ранних периодов. Большая часть истории региона прошла без государств: они возникали ненадолго, мало что контролировали за пределами царских дворов и не могли систематически извлекать ресурсы (в том числе рабочую силу) из своих подданных. *Междоусобицы* случались чаще, чем *периоды царств*: в доколониальную эпоху столпотворение крошечных княжеств позволяло населению легко менять местожительство и лояльность, исходя из соображений собственной выгоды, спокойно перемещаться в зоны, никому не подконтрольные или лежащие на пересечении интересов нескольких держав. Возникавшие в Юго-Восточной Азии государства постоянно меняли политический курс с заботы о гражданах, чтобы привлечь новых подданных, на закабаление — чтобы выжать из них максимальный объем труда и урожая. Рабочая сила — вот ключ ко всему: даже если доход государства обеспечивала торговля, он все равно зависел от способности власти мобилизовать людские ресурсы для сохранения и защиты выгодных торговых путей. Периодически государства вырождались в деспотии. География (фундамент народной свободы) стала критерием проверки власти на прочность: граждане, задавленные налоговыми, воинскими и трудовыми повинностями, сбегали в горы или близлежащие государства (а не устраивали восстания). Превратности войн и политического соперничества, неурожаи и монаршие мании величия обуславливали непредсказуемость и неизбежность кризисов государственного строительства.

Почему история государств так настойчиво вытесняет историю *народов*? Если кратко, то причину я вижу в том, что даже слабые и недолговечные первые государства, созданные по образцу индийских княжеств, оставили после себя огромное количество артефактов. Аграрные поселения не были структурно сложнее сообществ собирателей и подсечно-огневых земледельцев, но произвели массу мусора и археологических руин [1. Р. 90]: а чем больше оставленная вами куча камней, тем весомее ваша роль в истории. Рассеянные, мобильные и эгалитарные народы, мало озабоченные собственной утонченностью и развитием торговли, хотя зачастую и более многочисленные, редко удостоиваются исторических упоминаний просто потому, что разбросали свои артефакты на огромных пространствах. То же самое можно сказать и о письменных свидетельствах: почти все, что мы знаем о первых государствах Юго-Восточной Азии, почерпнуто из «документов» — дарственных на землю, официальных хроник, судебных протоколов, реестров налоговых сборов, повинностей и церковных пожертвований: и чем внушительнее оставленный вами текстовый «шлейф», тем заметнее ваше место в истории. Но он же порождает искажения: традиционные обозначения истории в бирманском и тайском языках (yazawin и phonesavadan) переводятся как «жизнь правителей» или «хроники царей», поэтому по ним сложно реконструировать «миры» неэлитарных групп, даже живших при дворе. Они упоминаются в документах прошлого лишь в виде цифр (столько-то работников, подлежащих воинской повинности, налогоплательщиков, земледельцев, выращивающих рис, граждан, платящих подати) и обретают статус исторических акторов только в исключительных случаях нарушения социального порядка (например, мятежа). Такое впечатление, что крестьяне прилагали все усилия, чтобы не попасть в исторические хроники...

Суверенные государства Юго-Восточной Азии ответственны за новые исторические мистификации: как этнические и географические наследники прежних держав, они заинтересованы в преувеличении их славы, целостности и благоденствий. История классических государств была искажена, чтобы идентифицировать протонации и протонационализм как оружие в борьбе с внешними и внутренними врагами... В итоге получаем историческую сказку о древнем зарождении нации, которая старательно камуфлирует непоследовательность истории и подвижность существовавших ранее идентичностей. Подобные крайне нереалистичные «сказки» призваны убеждать в естественности прогресса и в необходимости государства вообще и национального — в частности [2. Р. 255—256], хотя большая часть охватываемой ими хронологии прошла без государств и их «подобий»: если таковые и возникали, то как личные, крохотные и фрагментированные вотчины правителей, редко переживавшие своих основателей. Их космология и идеология простирались существенно дальше, чем реальный политический контроль [6], поэтому важно отличать «крепкую руку» государства от его же экономического и символического влияния. Доколониальные государства в изъятии урожая и рабочей силы могли рассчитывать на весьма небольшой радиус в 300 км вокруг царского двора, причем только в сухой сезон. Реальный *экономический* охват был шире, но зависел от добровольных обменов: чем выше была стоимость и меньше вес и размер товаров (сравните шелк и драгоценные камни с углем или зерном), тем большим экономическим влиянием располагала власть. *Символическое* воздействие государства — регалии, титулы, внешний вид, космология — простиралось очень далеко в форме *идей*, которые усваивали даже самые мятежные жители гор. Если жесткий контроль был скорее мечтой правителей империй, то их влияние на перемещения населения и его мировоззрение было действительно велико. Может быть, следует заменить «имперские грезы» такой моделью истории, где длительные периоды *нормативной* (институциональной) и *нормализованной* (упорядоченной) безгосударственности будут изредка прерываться короткими династическими правлениями, каждое из которых, растворяясь в истории, оставило после себя новую порцию монарших мечтаний?

...Крупные государства были крайне нестабильны; их строительные «кирпичики» не отличались постоянством, беспрестанно раскалываясь, перемещаясь, сливаясь и возрождаясь; домохозяйства и индивиды тоже редко вели размеренную жизнь — селение могло сохраняться в течение полувека, но люди уезжали и приезжали, их лингвистическая и этническая идентификация радикально менялась. Демография играла в этих процессах главную роль: плотность населения в Юго-Восточной Азии составляла 1600 человек (это одна шестая индийских и одна седьмая китайских показателей); и открытость границ блокировала чрезмерные претензии государств — в случае эпидемий, голода, тяжелого бремени налогов, трудовых и воинских повинностей, межгрупповых конфликтов, религиозного раскола, бесчестья, скандала или просто желая изменить свою судьбу, домохозяйства и целые поселения легко снимались с места. Членство в любом социальном образовании было подвижным — постоянством отличались экологические и географиче-

ские критерии предпочтительного места проживания: незасушливая долина с судоходной рекой или торговыми путями могла быть оставлена, но как только условия позволяли, заселялась вновь. Претенденты на статус создателей государства могли рассчитывать лишь на очень неустойчивый строительный «материал»: отсутствие амбициозного и сильного лидера или шаткость политической системы мгновенно влекли развал государства. В этой ситуации ясная и последовательная версия истории возможна: конститутивные элементы политического порядка *имеют* свою хронологию, *обладают*, пусть и грубой, но логикой формирования, соединения и распада, *демонстрируют* определенную степень автономии в отношении прежних и современных государств — по сути, это нестабильные, но постоянные характеристики социального ландшафта, в отличие от редких и эфемерных империй. Государства «случайны», поскольку это «сложные переплетения договорных отношений» [11. Р. 32]: любая угроза заставляет «элементы системы разлетаться в разные стороны» [10. Р. 27].

Главная проблема безгосударственной истории Юго-Восточной Азии — обозначение условий, необходимых для объединения и распада элементов политического порядка: «фактически мы имеем дело с молекулами, которые иногда образуют расплывчатые конфигурации и столь же легко разъединяются; даже их названия не отличаются логичностью и определенностью» [14. Р. 55]. Нестабильность «молекул» неудобна антропологам и историкам; представьте, насколько это серьезная проблема для царей, колониальных властей и современных чиновников. Правители государств считают почти невозможным контроль, если люди находятся в движении, не имеют устойчивых социальных паттернов и постоянного места жительства, их лидеры недолговечны, жизненные практики изменчивы, пристрастия малочисленны, лингвистическая и этническая идентичность подвижны. Но в этом вся суть: подобная экономическая, политическая и культурная организация — ни то иное, как *стратегия* избегания инкорпорирования в государство, наиболее эффективно реализуемая в горных массивах...

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Зомией Скотт называет «осколочную», «буферную» межгосударственную зону, географически труднодоступный гористый регион размером с Европу, в который входят территориальные лоскуты семи азиатских стран и население которого, отличающееся многообразием языков и культур, столетиями искусно ускользало от всех «ловушек» окружающих государств, стремящихся его «огосударствить». Сегодня Зомия — исчезающий, но все еще «крупнейший сохранившийся в современном мире регион, жители которого не поглощены национальными государствами... хотя не так давно подобные самоуправляющиеся сообщества составляли большую часть человечества» (Примечание переводчика).
- (2) Первая глава книги — основополагающая для понимания идейного замысла Скотта: она маркирует все компоненты его концепции Зомии, каждому из которых далее посвящена отдельная глава. Книга Скотта насыщена конкретными примерами и яркими иллюстрациями, ее интересно читать благодаря фактуальной наглядности, поэтому дословный перевод первой главы превысил бы все допустимые объемы научной публикации в журнале, и представленный перевод носит реферативный характер, обозначая только содержательные и оценочные акценты текста (Примечание переводчика).

- (3) Перевод первой главы был сокращен в первую очередь за счет малоинформативных для российского читателя сносок и иллюстративного материала. В тексте не представлены два раздела первой главы: «Великое горное королевство, (или) «Зомия», (или) пограничные территории материковой Юго-Восточной Азии» и «Зоны спасения от государства». В первом описывается географическое положение, история формирования названия, исследовательские трактовки, социальная и политическая структура, формы культурного и лингвистического протеста и автономии в Зомии — крупнейшем на сегодняшний день безгосударственном горном пространстве в мире, простирающемся от провинции Сычуань до северо-восточных рубежей Камбоджи, где проживает от 80 до 100 млн человек из сотни этнических групп, принципиально отказавшихся от участия в каких-либо проектах государственного строительства. Во втором из непереуведенных параграфов рассмотрены исторические этапы превращения Зомии в зону спасения от государства в самых разных его форматах, начиная с Ханьской империи, и развития здесь социальных институций — сельского хозяйства, статусной иерархии, этнической и лингвистической дифференциации; приводятся «аналоги» Зомии в других странах, в том числе в России (Примечание переводчика).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bellwood P.* Southeast Asia before History // *The Cambridge History of Southeast Asia*. Vol. I. From Early Times to 1800 (ed. N. Tarling). — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [2] *Benjamin W.* Theses on the Philosophy of History // H. Arendt (ed.). *Illuminations*. — New York: Schocken Books, 1968.
- [3] *Deleuze G., Guattari F.* A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / Translated by B. Massumi. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
- [4] *Gellner E.* Saints of the Atlas. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.
- [5] *Konink de R.* On the Geopolitics of Land Colonization: Order and Disorder on the Frontier of Vietnam and Indonesia // *Moussons*. — 2006. — Vol. 9. — № 1. — Pp. 33—59.
- [6] *Kulke H.* The Early and Imperial Kingdom in Southeast Asian History // D. Marr and A.C. Milner (eds.). *Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries*. — Singapore: Institute for Southeast Asian Studies, 1986.
- [7] *Lattimore O.* The Frontier in History. Pp. 469—491 // *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928—1958*. — Oxford: Oxford University Press, 1962.
- [8] *Mann M.* The Sources of Social Power. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- [9] *Pelley P.M.* Post-Colonial Vietnam: New Histories of the National Past. — Durham: Duke University Press, 2002.
- [10] *Rabibhadana A.* The Organization of Thai Society in the Early Bangkok Period, 1782—1873. — Cornell University, Thailand Project, Interim Report Series. — 1969. — № 12.
- [11] *Reid A.* 'Tradition' in Indonesia: The One and the Many // *Asian Studies Review*. — 1998. — Vol. 22. — № 1.
- [12] *Society against the State: Essays in Political Anthropology* / Translated by R. Hurley. — New York: Zone Books, 1987.
- [13] *Subramanyam S.* Connected Histories: Notes Toward a Reconfiguration of Early Modern Eurasia // *Modern Asian Studies*. — 1997. — Vol. 31. — № 3. — P. 735—762.
- [14] *Tapper R.* Anthropologists, Historians and Tribes peoples on Tribe and State Formation // P. Khoury and J. Kostiner (eds.). *Tribes and State Formation in the Middle East*. — Berkeley: University of California Press, 1990.

ZOMIA: SUCCESSFUL STRATEGIES OF FLIGHT FROM THE STATE

J. Scott

Faculty/Program of Agrarian Studies

Yale University

Yale University, Box 208209, New Haven, CT 06520—8209, U.S. A.

This publication is a synopsis-translation of the first chapter from the book by James Scott “The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia” (New Haven and London: Yale University Press, 2009), which came out in the “Yale Agrarian Studies” series. It continues the line of argument started by Scott in his work “Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed”: the central task of the state is to control the territories and the citizens, this is why the mobile, self-governing communities are opposed to the very idea of national unity. Scott suggests that we take a different look at the conventional history of mankind (focusing exclusively on national institutes in all possible formats), taking the example of South-East Asia and drawing numerous historical and regional analogies.

Key words: Zomia, flight from the state, civilization, barbarism, settled way of life, self-governing communities.